

ЮЛИЯ МИНУТИНА-ЛОБАНОВА

Российский государственный педагогический университет
имени А.И. Герцена

«ИЗ ГАЗЕТ»: НАЧАЛО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В РУССКИХ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

Вступление Российской Империи в Первую мировую войну резко повысило роль газеты как источника актуальной информации и необходимой обществу аналитики. Образ газеты становится неотъемлемым элементом изображения войны (ср., например, у Владимира Маяковского *Война объявлена* и т.д.). В то же время столь сильное социальное потрясение породило немедленный отклик, отразившийся в колоссальном количестве поэтических текстов, посвященных злободневной тематике, синхронно появляющихся на страницах газет.

В рамках этой статьи нас интересует непосредственная поэтическая реакция на вступление России в Первую мировую войну, а также возможное влияние рассматриваемых текстов на общественные настроения. Материалом послужили поэтические тексты, опубликованные в газетах (как столичных, так и провинциальных) в первые недели войны — в период с 19 июля по 31 августа 1914 г. (по старому стилю). Для краткости мы назовем данные тексты «газетной поэзией», «газетными стихотворениями»¹.

¹ Согласно данным *Электронного каталога газет России (1703–1917)* (<http://www.nlr.ru/rin/svnewsp.php> (28.02.2016)), в 1914 г. в Российской Империи издавалось 1274 газеты. По нашим оценкам, после исключения газет, выпуск которых прекратился до 19 июля 1914 г. или начался после 1 сентября 1914 г., а также газет, заведомо не содержащих стихотворных текстов, мы получаем около 600 наименований периодических изданий, в которых потенциально могут публиковаться стихотворные тексты. Исследование еще не завершено; на данный момент рассмотрено более 150 периодических изданий. Стихотворные тексты интересующей нас тематики содержатся приблизительно в 50% газет. В ходе работы над статьей проанализировано 138 стихотворений. Таким образом, несмотря на то, что об окончательных выводах говорить пока

Судя по газетным публикациям, информация об объявлении войны 19 июля 1914 г. парадоксальным образом принесла обществу облегчение, выведя его из состояния неопределенности. В крупных городах, особенно в столице, каждый день появляются сообщения о манифестациях, газеты публикуют заметки о восторженной реакции военных и казаков на известие о начале войны. Готовы к войне и поэты: первые стихотворения, посвященные вступлению России в войну, зафиксированы уже 20 июля 1914 г. (например, в газете «Новое время»²), массово же подобные тексты выходят в свет приблизительно с 23 июля 1914 г. Появляющиеся поэтические тексты по тематике можно, очень условно, разделить на две группы: стихотворения о России (или — шире — славянских странах) и видении ее роли в войне; и стихотворения об участии в войне других стран как союзных, так и вражеских.

Значительное количество стихотворений изучаемого периода передает патриотический подъем в российском обществе и явно имеет цель поддержать и развить это воодушевление³. Эти восторженные тексты объединяет сходная лексика («славяне», «Царь», «Русь» / «Россия», «Бог»): «Но милосерд к молящим Бог... / Россия вся — один народ — / С Царем за правду, без тревог, / Он смело ринется в поход»⁴. Нередко эти тексты весьма агрессивны, даже «кровожадны»: «Слышь, поднялись, так, немец трусь! / Всех перебьем и справим тризну»⁵. Объединяет их уверенность в непобедимости русской армии и в неизбежной скорой победе. Поскольку на момент создания стихотворений большинство читателей газет не имеет представления о современной войне, то для авторов «газетной поэзии» источником становится история России и побед русского оружия. Примечательно, что у Российской Империи в недавнем прошлом был опыт ведения относительно современной войны — русско-япон-

рано, существующая подборка представляется в достаточной степени репрезентативной.

² И. Пересветов, *На Дунае*, «Новое время» (Санкт-Петербург) 1914, № 13777 (20 июля), с. 5.

³ В данном случае можно предполагать и наличие отбора стихотворений из цензурных соображений. Однако в задачу исследования входит анализ той картины, которая предстала перед читателем прессы, поэтому указанный аспект выходит за рамки статьи.

⁴ М. Мирон, *За правое дело*, «Асхабад» (Асхабад) 1914, № 187 (12 августа), с. 1.

⁵ [Б.п.], *Немцам!*, «Свет» (Санкт-Петербург) 1914, № 190 (23 июля), с. 2.

ской. Однако она закончилась для России неудачно, и авторы «газетных стихотворений» не упоминают о ней, чтобы не исказить впечатление о неизменной победоносности русской армии. Кроме того, отсылка к общеславянскому архаическому прошлому служит оправданием вступления в войну. Опора на историю может осуществляться, с одной стороны, путем введения в текст архаизмов: «Как ни силен *тевтонский меч* [здесь и далее курсив наш — Ю. М.-Л.], / Устанет он от русских сеч»⁶. С другой стороны, упоминания побед над внешним врагом в подавляющем большинстве «газетных стихотворений» перемежаются с сюжетом об успешном преодолении внутренних проблем: «Грозный с Малютой, с опричной лихой; — // Умер лишь он, начались волнения... // Там самозванец... поляки... чума...»⁷. Это, по-видимому, обусловлено тем, что тема внутренних конфликтов в России также является значимой для «газетной поэзии». В качестве ключевых событий российской истории в текстах упомянуты татаро-монгольское иго, Иван IV и опричнина, сбор Народного ополчения Мининым и Пожарским, Северная война, присоединение Крыма, война с Наполеоном, отмена крепостного права и т.д. При этом авторы акцентируют роль Царя в спасении России как от внешних, так и от внутренних несчастий, хотя говорят и о роли «мужика», «солдата». Это, наряду с изображением Царя как спасителя и символа российского народа, призвано создать у читателя образ правителя, вокруг которого должно объединиться всему народу.

Отдельно необходимо отметить образ Наполеона. В русской культуре этот образ амбивалентен. В начале войны авторы стихотворений часто сравнивают Вильгельма II с Наполеоном, обыгрывая эту амбивалентность: в стихотворениях Вильгельм считает себя Наполеоном — гениальным полководцем, покорившим Европу, а автор текста представляет его выскочкой, который проигрывает войну («[...] в Россию к нам придет / Сам Второй Наполеон. / Слышно, что любитель он / Речи всюду говорить [...]»⁸). Не исключено, что именование современниками этой войны «Второй отечественной» является результатом закрепления данной устойчивой параллели.

⁶ Д. Вергун, *За Русь!*, «Свет» (Санкт-Петербург) 1914, № 194 (27 июля), с. 1.

⁷ А. Бурмакин, *К родине*, «Алтай» (Бийск) 1914, № 164 (24 июля), с. 2.

⁸ Н. Бархатный, *Наши враги*, «Астраханец» (Астрахань) 1914, № 320 (4 августа), с. 5.

Начало боевых действий используется для призывов к тому, чтобы забыть внутренние противоречия и сплотиться перед лицом общей опасности; по-видимому, на определенный период в России в самом деле различные политические силы объединились перед лицом внешнего врага. Призывы к тому, чтобы «вражда и зависть смолкли вдруг»⁹, упоминания о радости врагов в связи с внутренними конфликтами в России дают возможность предположить, что к началу Первой мировой войны общественность очень остро ощущает наличие политических и социальных противоречий внутри страны.

Одним из источников визуальных образов можно назвать эстетику военного парада, отличительными чертами которой являются стройность и четкость. Парад — это та часть войны, которая на момент создания стихотворений видна авторам. Войска, отправляющиеся на фронт, равномерно движутся по намеченной траектории; такое движение порождает ассоциацию с неуклонным течением воды, что находит отражение во множестве стихотворных текстов, но не имеет никакого отношения к реальности боевых действий: «Будь и ты тем ручьем, что струей боевой / Плещет воды свои голубые, / В помощь бурному морю отчизны родной, / Воздымающей гребни седые»¹⁰.

Особая роль на этой «парадной» войне отводится женщине. Целый ряд текстов призывает женщин — матерей, жен и невест — отпустить мужчин на войну. В качестве аргументов приводятся как предполагаемая краткость и победоносность войны, так и ужасы, которые ждут семьи, если мужчины их не защитят. Таким образом, не только мужчинам, но и женщинам предписывается соответствующий моменту стереотип поведения. Слова о необходимости «пролить кровь», если потребуется, явно носят декларативный характер: поэзия изображает абстрактную гибель героя, а не страдания и смерть конкретного человека, горе его семьи.

Тема массовой гибели русских солдат, пусть даже возможной, практически не затрагивается, а если и упоминается, то лишь в гипотетическом ключе: «Пусть каждый жизнь отдать в бою с врагом готов, / А мы душой своей пред Господом ответим,

⁹ Н. Васильев, *Смирись, не плачь!*, «Асхабад» (Асхабад) 1914, № 189 (14 августа), с. 3.

¹⁰ М. Гелерштейн, *Песнь Израиля*, «Бакинец» (Баку) 1914, № 44 (30 августа), с. 3.

/ Коль не осушим слез у матерей и вдов...»¹¹. В стихотворениях скорее говорится о гибели отдельных героев. При этом часто подробности данной гибели домысливаются, как это было со смертью генерала Самсонова. Тот факт, что он покончил с собой, умалчивался военным ведомством, и этот информационный вакуум восполняется героической батальной сценой, источником которой является «рассказ очевидца»: «Пробушевал свинцовый град, — / И мертвым пал ты под шрапнелью. / Крестьясь, покрыл тебя солдат / Своею серою шинелью»¹².

Более частотными являются тексты, посвященные проблемам тыла, хотя и их число незначительно. Эти тексты преимущественно носят сатирический характер; например, реакция на стремление избавляться от немецких слов в речи такова: «Ну, начнем! Трудна лишь проба! / Лозунг взяв: 'Долой тевтон', — / Мы с моим камрадом — оба / Все слова изгнали вон...»¹³. Высмеиваются попытки спекуляций на фоне экономического потрясения, попытки введения цензуры. Впрочем, уже в первые месяцы войны появляются стихотворения, говорящие, что война — это не парады и героическая смерть отдельных людей, а череда тяжелых событий, несущих боль, смерть и увечье: «Обратно повезут кусок живого мяса, / Обрызганного сплошь потоками свинца»¹⁴. Но такие тексты буквально единичны.

Другая большая группа текстов — это описание участия других стран в войне. Среди них также есть торжественные тексты. Они могут быть связаны с гимном или с девизом страны-участницы войны. В таких стихотворениях может описываться мужество солдат, если речь идет о союзниках, или, наоборот, клеймиться агрессия, если говорят о немцах или австрийцах. Однако для текстов этой группы более характерно сатирическое изображение войны, в том числе — с использованием аллегорий. Предметом высмеивания может становиться как неудача (возможно, мнимая) соперника на фронте или же в поиске союзников, так и нереализовавшиеся амбициозные планы. Например, в пер-

¹¹ В. Юрий, *Уходящим*, «Новое время» (Санкт-Петербург) 1914, № 13785 (29 июля), с. 4

¹² Б. Садовский, *Памяти А.В. Самсонова*, «Биржевые ведомости» (Санкт-Петербург) 1914, № 14329 (23 августа), с. 4.

¹³ Евг. П-н, *Великий русский язык*, «Биржевые ведомости» (Санкт-Петербург) 1914, № 14345 (31 августа), с. 4.

¹⁴ В. Воинов, *Свершилось*, «Эхо» (Благовещенск) 1914, № 1691 (29 августа), с. 3.

вых числах августа 1914 г. становятся предметом сатирического изображения планы Вильгельма «11 августа обедать в Париже» (данная фраза неизменно сопровождается примечанием «Из газет» или «Из телеграмм»). Многие авторы в своих стихотворениях обыгрывают крах этого намерения: «— Мы не обедали, однако же, в Париже! / И кайзер вымолвил: — ‘Ну, что ты говоришь? / Ты глуп донныне: / Вас приглашал я в ресторан *Париж*, / Который помещается в... Берлине’!»¹⁵. Такой всплеск интереса к «обеденной» теме в «газетных стихотворениях» в августе 1914 г. позволяет нам поднять вопрос об уточнении датировки стихотворения Владимира Маяковского *Гимн обеду*. В собраниях сочинений оно датируется 1915 г.¹⁶, однако муссирование гастрономической темы, особенно в сочетании с упоминанием разрушения Реймского собора (сентябрь 1914 г.), позволяет предположить, что как минимум замысел данного стихотворения может приходиться именно на сентябрь 1914 г.

Сравнивая стихотворения, посвященные России, со стихотворениями, посвященными другим воюющим странам, нельзя не отметить, что война в описании последних намного более приближена к реальности: она является причиной гибели армий и страданий народов (даже когда речь идет о противниках России). Более того, невзятие Вильгельмом Парижа к 11 августа 1914 г. становится более значимым поэтическим материалом, чем взятие Львова; и если в новостях и в прозаических фельетонах захвату Львова посвящены отдельные тексты, то в поэзии Львов лишь упоминается в ряду других неудач союза Центральных держав. Это указывает на то, что идеологическое значение взятия Львова (которое принято противопоставлять стратегической ничтожности этого события) преувеличено. И еще одно, более глобальное следствие из этого наблюдения — в первые недели войны российское общество, так восторженно принявшее известие об ее начале, не воспринимает эту войну как свою войну. Война по-прежнему остается делом других государств, участие России видится скорее как своего рода парад, декорации. Осознание того, что происходящие события касаются каждого

¹⁵ В.В., *Кайзер и Париж*, «Свет» (Санкт-Петербург) 1914, № 201 (3 августа), с. 3.

¹⁶ В.В. Маяковский, *Гимн обеду* // того же, *Полное собрание сочинений в 13 т.*, т. 1, Государственное издательство художественной литературы, Москва 1955, с. 85; того же, *Гимн обеду* // того же, *Полное собрание произведений в 20 т.*, т. 1, Наука, Москва 2013, с. 55.

непосредственно и что война — это не только новости в газетах, придет позднее.

Такова художественная реальность войны, реконструируемая по текстам «газетной поэзии». Она преимущественно пересекается с информационным полем газеты. Многие сюжеты развиваются параллельно в газетных заметках и поэтических текстах. Более того, многие стихотворения публикуются под заголовком «фельетон» или «маленький фельетон», что традиционно считается публицистическим жанром. Тем самым автор словно предлагает читателю не фокусировать внимание на стихотворной форме (обычно достаточно низкого качества) и сосредоточиться на содержательной стороне. В то же время поэзия привлекает внимание читателя более, чем рядовая заметка, хотя бы в силу графического отличия, поэтому представляется значимым, какие именно сюжеты выбираются для обличения в поэтическую форму. Так, например, после публикации обращения Верховного Главнокомандующего Великого Князя Николая Николаевича к полякам, фактически обещающего восстановление целостности Польши и ее широкую автономию в случае победы России, появляется стихотворение Валерия Брюсова, словно призванное усилить впечатление данного манифеста: «Простор родимого предела / Единым взором облетей, / И крики 'Польша не сгинела!' / С победной русской песней слей!»¹⁷. Включение фрагмента польского гимна в текст воспринимается как своего рода гарантия готовности признать автономию Царства Польского. Кроме того, среди событий, параллельно осмысляемых в заметках и в стихотворениях, можно назвать, например, уже упоминавшиеся сюжеты: смерть генерала Самсонова, осуждение спекуляций и введения цензуры. Публикация стихотворений может сопровождать, например, сбор средств в помощь семьям ушедших в армию, поддерживая, наряду с прозаическими воззваниями, призыв к активному общественному участию.

Уже в первые дни войны во всех газетах появляются разделы с красноречивым названием *Зверства немцев*. Цель данных публикаций — не столько предоставить адекватную информацию о ситуации на оккупированных территориях, сколько расчеловечить противника в глазах общественности, а, следовательно, психологически оправдать массовые убийства как неотъемле-

¹⁷ В. Брюсов, *Орел одноплеменный!*, «Эхо» (Благовещенск) 1914, № 1689 (27 августа), с. 2.

мую часть войны. Уже само слово «зверство» является элементом такого расчеловечивания: «Их 30 000 пало там!.. / И дети плакали толпою... / О, как они... с какой мольбою / Бросались с воплями к врагам»¹⁸. Поскольку в данной ситуации существует интенция на максимальное эмоциональное воздействие соответствующих материалов, то неудивительно, что в ответ на этот запрос возникают и поэтические тексты как обладающие большим потенциалом с точки зрения психологического влияния, причем это не обязательно заказные стихотворения. Шокирующая информация требует выхода, который может быть реализован в том числе и в стихотворной форме; чем сильнее первоначальный импульс, тем больше вероятность порождения поэтического текста. Пропагандистская направленность такого рода публикаций косвенно подтверждается тем, что с сообщениями о немецких зверствах время от времени перемежаются рассказы о том, как немцы подобрали, перевязали и отпустили наших раненых и т.п. Этой интенции противоречит ряд стихотворений, изображающий немцев как народ, страдающий от решений Вильгельма.

Говоря о художественных особенностях текстов о войне, отметим, что в торжественных стихотворениях прослеживается ориентация на традицию гимна и оды. Это находит отражение в стилистической окраске текстов, насыщенных возвышенной лексикой, впрочем, часто сочетающейся с разговорной и сниженными оборотами речи, что связано с одновременной ориентацией на стиль газетной заметки. Сатирические стихотворения зачастую ориентируются на басню. Кроме того, некоторые газеты публикуют вопиюще бездарные, безграмотные стихотворения для того, чтобы «подчеркнуть» их искренность и народность: «Если немцы озверели уж так, / Что культурным традициям не верны — / Радуйся, Русь! Танцуй ‘гопак’: / Ихние дела уж очень скверны»¹⁹.

Значение информационного компонента «газетных стихотворений» определяет перенасыщенность их именами собственными — географическими названиями, именами правителей и их ближайших сановников и т.п. Следует особенно подчеркнуть роль литературных аллюзий в создании данных текстов: «Не говори: ‘Что в имени!’... Оно / Не только слуху легкая усла-

¹⁸ Н. Дионисьев, *30 000*, «Эхо» (Благовещенск) 1914, № 1675 (9 августа), с. 3.

¹⁹ Дядя Яша, *Признак*, «Бакинец» (Баку) 1914, № 38 (4 августа), с. 4.

да. / 'Санкт-Петербург' забыть нам суждено / для милого, родного Петрограда»²⁰; чаще всего они используются в сатирических стихотворениях, однако опора на прецедентный текст может также быть элементом и нейтральных, и пафосных стихотворений. Возможная причина столь активного обращения к литературной традиции заключается в том, что в условиях отсутствия как времени, так и поэтического дарования авторы «газетных стихотворений» употребляют уже готовые формы как отправную точку для своего вдохновения. Подчинение авторов инерции языка приводит к огромному количеству ошибок в использовании фразеологизмов и речевых штампов, что зачастую против воли автора создает комический эффект: «И тем наставший час особенно велик, / Что несть ни Эллина средь нас, ни Иудея»²¹.

Подытоживая, отметим, что анализ корпуса текстов русской «газетной поэзии», синхронной началу Первой мировой войны, позволяет нам выявить такие художественные особенности данных стихотворений, как сочетание высокой и сниженной лексики, обилие имен собственных, активное использование историзмов, архаизмов и литературных аллюзий, а также большое количество ошибок, связанных с механистическим употреблением устойчивых выражений и штампов. Сопоставление тематики поэтических и публицистических текстов дает нам представление о том, какие факты находили наибольший отклик у читателей газет. В то же время поэтические тексты, опубликованные в газетах попеременно с публицистическими, начинают выполнять особую функцию: они задают матрицу восприятия войны как исторического события для читателя прессы, что позволяет поддерживать в обществе патриотическое воодушевление. Таким образом, система подпитывает сама себя: читатель получает из газет информацию о событиях на фронте (далеко не всегда соответствующую действительности) и о том, какие эмоции это должно вызывать; затем под воздействием этих сообщений создает поэтический текст и направляет его в газету, репродуцируя пропагандируемую модель восприятия. Наконец, анализ тематических предпочтений авторов «газетных стихотворений» дает нам основания утверждать, что российское обще-

²⁰ А. Мейснер, *Сонет Петрограду*, «Биржевые ведомости» (Санкт-Петербург) 1914, № 14327 (22 августа), с. 2.

²¹ В. Юрий, *Сим победиши!*, «Новое время» (Санкт-Петербург) 1914, № 13782 (26 июля), с. 13.

ство в июле–августе 1914 г. не воспринимает начавшуюся войну как войну своей страны, несмотря на повсеместное декларирование причастности к мировым событиям и исключительной роли России в войне.

Julia Minutina-Lobanova

„Z GAZET”: POCZĄTEK I WOJNY ŚWIATOWEJ
W ROSYJSKICH TEKSTACH POETYCKICH

Streszczenie

Autorka omawia wiersze o początku I wojny światowej. Utwory ukazały się w rosyjskich gazetach latem 1914 roku. Teksty te cechuje m.in. nagromadzenie imion własnych, szerokie wykorzystanie historyzmów i archaizmów, połączenie entuzjastycznej reakcji na wieść o wojnie z postrzeganiem jej jako nieistotnego wydarzenia. Przeprowadzona analiza pokazuje, w jaki sposób Rosjanie zareagowali na informację o rozpoczęciu wojny, a także daje wyobrażenie o kontekście literackim i informacyjnym w Rosji w lipcu i sierpniu 1914 roku.

Yulia Minutina-Lobanova

“THROUGH NEWSPAPERS”:
THE BEGINNING OF THE WORLD WAR I IN RUSSIAN POETRY

Summary

This paper concentrates on the Russian poetry in newspapers in summer 1914 about the beginning of the First World War. The analysis revealed the main poetics and subject characteristics of these poems, such as proper nouns abundance, active usage of the historicisms and archaisms, the combination of enthusiastic attitude to war and its perception as irrelevant events etc. Thereby we can evaluate the immediate perception of the beginning of the war by contemporaries and get an overview of poetical and informational context in Russia in July–August 1914.